

Найти потерянное

В краевом театре драмы имени В. М. Шукшина поставили спектакль о космонавте №2 Германе Степановиче Титове

текст *Елизавета ГУНДАРИНА*

Культура Там. Край.

Сцена из спектакля «Титов. Долгое ожидание».
Актеры Артём Казаков, Екатерина Порсева.
Все фотографии Кирилла Ботаева

Документальная постановка Дмитрия Огородникова «Титов. Долгое ожидание» сделала невозможное: история восхождения деревенского паренька Германа Титова, утвердившего после Гагарина превосходство страны в стратегической сфере («она топтался, а теперь вон куды поднялся»), становится в спектакле тихим, почти интимным, семейным портретом на фоне славных 1960-х. Страна одержима космосом и живет проектами лучшей жизни, сделала ставку на мировое первенство. Тут же, рядом с отцом и матерью, женой, тещей и сестрой героя, на одном портрете первые лица страны Никита Хрущев и Леонид Брежнев — одна большая советская семья. Ощущение дома разрастается от сибирской деревни до столицы Москвы и всей Земли — упования Циолковского на планету как «колыбель разума, Родину человечества». Частная переписка между мужем и женой как документ, где впервые приоткрываются «труды и дни» первых космических отрядов. Отцовское напутствие сыну, переданное по телефону на орбиту, как послание с Земли в запредельное далеко. Все это сконцентрировано в одном августовском дне 1961 года во время первого суточного полета человека в космос, параллельно переживаемом в сельской глубинке и на космической орбите.

Главный звук спектакля, который мы слышим прежде всего, — тиканье часов, они отмеряют первые в истории человечества 25 часов человека вне земли и столько же параллельных часов ожидания его дома. Спектакль и существует в этой напряженной связи между крайними полюсами: своим домашним «здесь» и запредельным неизвестным «там», семейным и общемировым, частным и официальным. Рассказ о долгожданном полете Титова парадоксально выливается в жажду им возвращения — домой, к жене, в отряд, в свой полк, в свое Полковниково.

Игровой ход постановки раскрывает программка: ни главной, ни второстепенных ролей нет — все шесть артистов просто исполнители. Можно предположить, что за главного героя отвечают все оставшиеся на Земле, а он отвечает за них. Эта очевидная метафора так органично выливается из всей композиции (автор литературного материала Дмитрий Огородников), что не оставляет сомнений — так и было.

На сцене — мраморный ступенчатый пьедестал с тремя вертикальными экранами для видеопроекции и четвертым, растянутым над ними по горизонтали, на нем ковровый орнамент, примета времени и домашнего детства. По обе стороны пьедестала — кресло с томиком Пушкина и микрофонными стойками, кухонный стол с садово-огородными дарами, форменный китель и гражданский пиджак на вешалках, еще один стол с ретропреквизитом — пленочный фотоаппарат, нитка жемчуга, женский парик, кружевной воротничок, газеты с громкими заголовками на всех языках мира, висит радиотранслятор. Нет ни барокамер, ни космического

скафандра, ни белых халатов, ни пресловутых тубиков с едой, ни других примет космической подготовки. На ступеньках в центре игрового пространства стоит черный дисковый телефон — связь с миром, с вечно тревожным звонком: кто там, что несет? В темной униформе молча выходят исполнители, открыто устраивают игровое пространство, надевают кто китель, кто парик и бусы.

Все начинается с пролога, в котором актриса Екатерина Порсева (или Татьяна Данильченко), будущая мать, жена и одноклассница Германа, сматывает раскрученную по всей длине авансцены фотопленку, а затем, выйдя к микрофону, в качестве эпиграфа, заявляет: «Простое семечко прорастает благодаря человеку, семечко — часть большого, единого». Так обозначается главная тема спектакля и основной прием — отматывание пленки времени назад. Перед нами

Спектакль «Титов. Долгое ожидание».
Актриса Татьяна Гуртякова

театр реконструкции. Но реконструируемая картина — оборотная сторона известных событий, та, что стоит за парадной гранью.

Человек перед микрофоном задает основную стилистику спектакля: пресс-конференция, рассказ о событиях очевидцами, публичная откровенность: признания в любви, слабости, благодарности. У каждого из очевидцев — своя картина. Последовательность событий на сцене выглядит как параллели между разными реальностями. Сестра Земфира узнает о полете Германа, собирая грибы. В доме варят яблочное варенье, когда Титов совершает 17 оборотов вокруг Земли. Триумфальный проезд космонавта на лимузине по Москве дан глазами жены Тамары, которую Хрущёв по-отцовски подсаживает, заставляя держаться вровень с мужем. Вот шумная международная пресс-конференция Титова — вольные шутки, смех, многоязычие, и следом — импровизированная, во дворе деревенского дома с ошеломленными родителями космонавта, которые отворачиваются от фотовспышек и не знают, что сказать.

Спектакль целиком (за редчайшим исключением, но обедни эти исключения не портят) смонтирован из текстов документов. Письма, дневники, аудиозаписи голоса Титова с орбиты, мемуары членов семьи, других космонавтов, селян, отрывки из книг и официальных выступлений в подаче артистов существуют в гармонии друг с другом, а также с фото- и кинокадрами. Время

ожидания, как известно, тягуче. Исторический день растягивается на сцене в годы, ему предшествующие, вплоть до проводов отца, Степана Титова, на войну, вмещаая школьную пору Германа, учебу, встречу с будущей женой, и прорываясь в будущие моменты обрушившейся на семью публичности.

Титовым по очереди становятся все исполнители, набрасывая на плечи китель летчика. Спектакль и по форме, и по содержанию ансамблевый, когда центральный образ и растворяется в других, и собирается из них. Разные документы оживают в характерных портретах и в итоге складываются в образ страны и эпохи.

Зритель увидит, как трогательно и убедительно Артём Казаков в образе отца мнетя от внезапной перемены участи интеллигентного сельского учителя в родителя звезды, но тут же находится, пафосно благославляя сына в космический «рейс». Артисту знакомо это щемящее чувство, когда сын вдруг перерастает отца, и он, поддерживая родителя, наделяет Степана Титова спокойствием и мудростью патриарха семейства.

В следующей сцене Казаков уже сын. Приходит ощущение, что Титов посланник семьи и малой родины в той же мере, что и посланник всего человечества.

Тамара в исполнении Татьяны Гуртяковой, избранница судьбы в тени мужа, она замужем за звездой и славой пополам с постоянными тревогой и ожиданием — участь многих жен с громкой фамилией. И звучащий из ее уст аргумент смирения с этой участью — «гордость нашей страны!» — отзывается горечью женщины, вынужденной делить свою любовь со всем миром.

Прием передачи образа от артиста к артисту, как эстафетной палочки, создает довольно специфическое театральное зрелище и впечатление. Артисты краевой драмы уже не впервые пробуют себя в документальном жанре (вспомните эскизы по пьесам о Шукшине в рамках январской лаборатории «Шукшин. Миф и реальность») и раскрываются в нем очень ярко, неожиданно. Документ, как ни парадоксально, освобождает от штампов, дает свободу в поиске манеры существования. Театр давно не был настолько непредсказуемым — от артистов невозможно отвести взгляда. Мне кажется, дело в предложенной автором и режиссером драматургии, в особом монтаже эпизодов, когда известное, общее восстанавливается из неизвестного, частного, как мозаика из отдельных пазлов, и невозможно предугадать, каким будет следующий ход. Это и рождает интригу. Автор инсценировки как будто сбивает зрителей с прямого пути — путь героя тоже ведь не был гладким, он полон случайностей и отчаяния, когда отборные молодые летчики «сыпятся» и навсегда вынуждены оставить мечту всей жизни — трагедия профессии. Так острее чувствуется энергия первых космических шагов державы, каждый — в неизвестность.

Полувекковая дистанция, отделяющая наши дни от полета Германа Титова, дает постановщикам и артистам нужную отстраненность.

Сцена из спектакля «Титов. Долгое ожидание». Слева направо: Татьяна Гуртякова, Артём Казаков, Екатерина Порсева, Иван Молодов

Спектакль «Титов. Долгое ожидание». Екатерина Порсева

Леонид Ильич Брежнев, Никита Сергеевич Хрущёв, Джон Кеннеди в спектакле просто упоминаемые государственные деятели, никаких анекдотических и политических коннотаций. Эффект этого насколько документального, настолько и художественного повествования — историю мы видим глазами современного молодого человека. В финале Титов на трибуне Мавзолея в русле официальной идеологии говорит о том, что его подвиг — часть подвига всего народа, и он благодарен руководству за доверие. Цитирует Циолковского с его упованием на разумную планету. И это уже не выглядит ни пафосным лозунгом, ни политкорректным заявлением, ни идеалистической утопией — скорее, выражением надежды вновь найти что-то потерянное. ■